

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ГОУ ВО ЛНР
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДАЛЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Луганск 2021

УДК 80(06)
ББК 80
Ф545

Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
(Протокол № 5 от 29.01.2021)

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации ПИ 000093, выданное Министерством связи и массовых коммуникаций ЛНР 30.03.2017 г.

Сборник входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 1432 – 11/2018К)

Ф-545

Филологические исследования Далевого университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 6/ М-во образования и науки ЛНР, ГОУ ВО ЛНР «Луганский гос. ун-т им. Владимира Даля»/ глав. ред. проф. А.С. Клименко. вып. 6. – Луганск.: Изд-во ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», 2021. – 71 с. – Библиограф. в конце ст.

ISSN 2523 – 4730

Главный редактор – доктор филологических наук, профессор

Клименко Александр Сергеевич

Ответственный редактор – кандидат педагогических наук, доцент

Чеботарева Елена Владимировна

Редакционная коллегия:

Иванов А.В. – доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация)

Калиущенко В.Д. – доктор филологических наук, профессор

Бессонова О.Л. – доктор филологических наук, профессор

Кремзикова С.Е. – доктор филологических наук, профессор

Поршиева О.Р. – доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация)

Синельникова Л.Н. – доктор филологических наук, профессор

Фесенко Ю.П. – доктор филологических наук, профессор

УДК 80(06)
ББК 80

© ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

**ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Клименко А.С., Трамбле К. 5-24

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА

**К ВОПРОСУ СТИЛИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

Вечёркин И.А. 25-52

ПРАВСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ В.ДАЛЯ

Даренская В.Н. 53-67

**ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАТАСТРОФЫ У РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

Даренский В.Ю. 68-99

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

**ПОНЯТИЕ "СВОЙ - ЧУЖОЙ" В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Г.
ЛУГАНСКА**

Нередкова С.С. 100-108

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

**ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ СЕМАНТИКИ НАЦИОНАЛЬНО- СПЕЦИФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ МЕР И ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ НА ВЫБОР ИХ СООТВЕТСТВИЙ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ**

Усков Д.Ю. 109-118

Сведения об авторах

CONTENTS

LINGUOCULTUROLOGY

A. Klimenko, Ch. Tremblay. The French Model of Language Interaction in the Age of Globalization. Formation and Prospect

STUDY OF LITERATURE AND LINGUOPOETICS

I. Vechyorkin. On the Stylistics of the Belles Lettres Text of Socialist Realism Epoch

N. Darenskaya. The Moral Transformation of Personality in the Prose of V.I. Dahl

Yu. Darensky. The Representation of Collectivization as National Catastrophe by Russian Writers of the XXth Century

SOCIOLINGUISTICS

S. Neredkova. The Notion “Ours – Aliens” in the Communicative Space of Lugansk

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

D. Uskov. The Influence of Background Semantics of Nationally Specific Names of Measurement and Monetary Units upon the Choice of their Equivalents in Literary Translation

Our authors

11. *Фудель С.* Путь отцов. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – 432 с.

References

1. *Aksakov K.S., Aksakov I.S.* Literaturnaja kritika. – М.: «Sovremennik», 1982. – 384 s.
2. *Dal' V.N.* Izbrannye proizvedenija. – М.: «Pravda», 1983. – 448 s.
3. *El'chaninov A.V.* Zapisi. – М.: «Sov. Rossija», 1992. – 208 s.
4. *Ieromonah Rafail (Nojka).* Kul'tura duha. – М.: «Svjataja gora», 2006. – 184 s.
5. *Kardash S.* Izmenennye sostojanija soznanija. – Doneck: «Stalker», 1998. – 448 s.
6. *Svjatitel' Nikolaj Serbskij.* Vera svjatyh. Katehizis Vostochnoj Pravoslavnoj Cerkvi. – М.: «Pokrov», 2004. – 288 s.
7. *Svjatoj Makarij Velikij.* Nastavlenija o hristianskoj zhizni. – М.: «Kovcheg», 1998. – 224 s.
8. *Svjatoj Vasilij Velikij.* Duhovnye nastavlenija. – М.: «Kovcheg», 1998. – 464 s.
9. *Terner Dzh.* Simvol i ritual. – М.: «Progress», 1983. – 324 s.
10. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir: Tom tretij // Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 12-ti tomah. – Т.V. – М.: «Pravda», 1984. – 432 s.
11. *Fudel' S.* Put' otcov. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – 432 с.

Даренская В.Н. Нравственное преображение личности в прозе В.И. Даля

В статье исследуется глубинная проблематика рассказа В.И. Даля «Хмель, сон и явь» в контексте специфики нравственно-религиозных императивов русской крестьянской культуры. Показано, что для человека этой культуре были четко определены императивы православного этоса: 1) нестяжательство; 2) совесть перед людьми и природой; 3) понимание жизненных испытаний и их преодоления как разновидности аскетического подвига. Высшим принципом этой культуры, глубоко показанным в рассказе В.И. Даля, был принцип духовного преображения человека.

Ключевые слова: преображение, человек, подвиг, этос, русская культура.

V.N. Darenskaya The Moral Transformation of Personality in the Prose of V. I. Dahl

The author considers the problems of V.I. Dal's short story "Drunkeness, Sleep and Reality" in the context of Russian traditional folk culture ethos formed in Orthodox peasantry tradition. The fundamental imperatives of this ethos are: 1) absence of money grubbing; 2) conscientiousness before people and nature; 3) comprehension of life trials and their overcoming of a kind of ascetic exploit. The fundamental principle of this culture, profoundly demonstrated in V. Dal's short story, was spiritual transformation of person.

Key words: spiritual transformation, person, exploit, ethos, Russian folk's culture.

Рецензент – доктор филологических наук, профессор Синельникова Л.Н.

УДК 821.161.1 : 94(470)

Даренский В.Ю.

Луганский государственный педагогический университет

**ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАТАСТРОФЫ У РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

**THE IMAGE OF COLLECTIVIZATION AS A NATIONAL CATASTROPHE IN
RUSSIAN WRITERS OF THE TWENTIETH CENTURY**

**Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Н. Рубцов**

**Казалось, все силы зла снова ополчились на эту землю...
В. Белов**

В русской прозе XX века особое место занимает изображение и художественное осмысление тех трагических и катастрофических событий, которые происходили в России в это столетие. Особое место среди них занимает коллективизация по целому ряду причин. В первую очередь русские писатели, которых метафорически называли «деревенщиками», показали коллективизацию как разрушение крестьянской цивилизации и одну из главных причин утраты русским народом своих лучших качеств, воспитывавшихся крестьянским трудом. С более практической стороны коллективизация стала причиной вымирания села, а затем и народа в целом. Катастрофа коллективизации объясняет, почему русские области вымирают с 1960-х годов, а население всей России сейчас меньше, чем оно было до 1917 года – вместо спрогнозированного Д.И. Медведевым полумиллиарда к концу XX века. Коллективизация сразу же привела к страшному голоду, унесшему жизни миллионов людей. В конечном итоге она уничтожила лучшую часть крестьян и обвалила рождаемость, лишив смысла большие крестьянские семьи – так нынешнее вымирание России было начато именно коллективизацией, которая стала поистине национальной катастрофой. Катастрофическая неэффективность колхозного хозяйства заставила СССР начать импорт продовольствия. Однако для художественной литературы важны не столько эти исторические последствия, сколько те нравственные процессы, которые происходили в народе в ходе этих событий.

До настоящего времени тема коллективизации в русской литературе на удивление изучена очень мало. Количество диссертаций и даже обзорных статей на эту тему очень невелико. Первой такой диссертацией была работа В.С. Евсюковой «Художественное воплощение противоречий коллективизации в прозе 80-х годов: по романам В. Белова “Кануны” и Б. Можая “Мужики и бабы”» (М., 1991) [12]; затем можно также выделить диссертации Е.С. Конюховой «“Поднятая целина” М. А. Шолохова в контексте произведений о русской деревне 30-х гг.: А. Платонов “Котлован”, В. Белов “Кануны”, Б. Можая “Мужики и бабы”, С. Залыгин “На Иртыше”» (М., 1995) [17] и Т.В. Князевой «Эпос крестьянской жизни в творчестве В.И. Белова: Повесть “Привычное дело”, романы-хроники “Кануны” и “Год великого перелома”, очерки “Лад”» (Самара, 1997) [16]. Кроме того, на эту тему имеется ряд интересных как научных, так и публицистических статей.

Целью данной статьи является рассмотрение и общий анализ темы коллективизации в русской литературе XX века с обзором «знаковых» произведений и авторов, а также ее культурно-исторического контекста. Для адекватного понимания

данной темы в первую очередь следует понимать *цивилизационный смысл событий XX века*. В свое время в статье Ксении Мяло «Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция» (Новый мир. – 1988, – № 8) впервые было открыто сказано о самой сути произошедшего в эпоху коллективизации: «тот разгром, которому на переломе 20-30-х годов подверглась патриархальная культура русского крестьянства, позволял по своему драматизму и размаху сравнения самые масштабные. Культурные катастрофы такой силы известны в истории, и, как правило, все они происходили при столкновении не совместимых друг с другом цивилизаций; несовместимых либо этнически, либо религиозно, либо по своему основополагающему коду» [22, с. 248]. Самая агрессивная часть руководства большевиков, действительно, этнически была не русской; а те русские, которые вступали в партию, должны были отречься от всего, что связывало их с подлинным народом – от Православной веры, родной истории и национальной совести, а весьма часто и от своих родных и близких. Религиозно здесь большевики как секта Антихриста боролись со Христом; «код» русской культуры – культуры духовного преображения человека – уничтожался «кодом» безбожной цивилизации, превращавшим людей в рабов тоталитарного государства.

Еще в 1919 году большевики вынуждены были официально признать, что «трудность работы в деревне состоит в том, что надлежит организовать массы мелких собственников, по существу своему враждебных социализму, а потому основной организацией в деревне являются пролетарские и полупролетарские слои» [23, с. 222]. Однако сколько было этих «пролетарских и полупролетарских слоев»? Как сообщал выдающийся исследователь русского крестьянского хозяйства А.В. Чаянов, «по данным ЦСУ СССР на август 1926 г., на 100 хозяйств приходится годовых, сроковых и месячных наемных рабочих по Северному Кавказу – 11,8, по Днепропетровску – 9,0 и по Крыму – 22,7, в то время как в аграрно-перенаселенной черноземной полосе – 3,2, а по правобережью Украины – 6,2» [29, с. 214]. При этом большинство этих наемных рабочих также имели свое хозяйство, но одновременно подзарабатывали у своих более зажиточных соседей. Тем самым это было сотрудничество и взаимопомощь, а не «эксплуатация». Главное же состояло в том, что эти батраки были сколько-нибудь заметным элементом только в нерусских областях Кавказа (1/10 крестьян) и у крымских татар (1/5), в русских же областях эта группа была совершенно мизерной – около 3 процентов, или «несколько дворов на большое село», как это и зафиксировано во многих воспоминаниях. Тем самым так наз. «пролетарских и полупролетарских слоев» в селе практически не было, за исключением единичных случаев – как правило, это были люмпены, ленившиеся нормально вести свое собственное хозяйство. Вот именно на них и делали ставку большевики. Естественно, что это с самого начала был блеф, и село, враждебное социализму, предстояло завоевать путем террора, а крестьян сделать рабами государства.

Перед 1917-м годом крестьянам и казакам уже принадлежало 80 процентов всей земли, а оставшиеся 20 процентов – городским арендаторам и последним остаткам помещиков. Но эти 20 процентов обычно были самыми передовыми механизированными хозяйствами, дававшими огромную долю всего экспорта сельхозпродукции. Если бы не 1917-й год, сельское хозяйство быстро бы развивалось по самому оптимальному пути – укрупнения частных хозяйств, отдавая избыток населения в индустриальные города и переселенцев на Дальний Восток и Сибирь. Но 1917-й вернул натуральное хозяйство, резко сократил экспорт и остановил освоение Востока. Это был тупик, искусственно созданный большевиками и особенно катастрофический на фоне стремительного роста экономики перед 1917-м годом. У них остался единственный выход – заставить крестьян бесплатно работать на государство и уничтожить тех из них, кто будет этому сопротивляться.

Крестьяне везде сопротивлялись порабощению, как могли, но не могли устоять перед организованной вооруженной силой государства. Вот один из многотысячных примеров: «Так и думалось, что готовится что-то для нас нехорошее. На собраниях комитетов бедноты выносились постановления о ссыпке хлеба в общие амбары. По этому вопросу были общие собрания всех граждан, но большинство крестьян были не согласны. Последнее собрание было... бурное, к решению вопроса не пришли, и всех несогласных арестовали. На следующий день... составили от имени всех собравшихся прошение об освобождении невинно арестованных, но ответа не получили. На другой день все собравшиеся... пошли с целью добиться освобождения арестованных. Толпа была около 150 человек. Их предупредили, что это будет рассматриваться как выступление против Советской власти, но когда толпа близко подошла к райисполкому, по ней дали залп из винтовок, шесть человек убили, тридцать пять ранили. Остальные бросились бежать...» [15, с. 14]. «Комитеты бедноты» при поддержке террористического государства действовали как обычные бандиты: сами не производя ничего, требовали собрать чужое, не ими выращенное зерно в общие амбары, чтобы затем распоряжаться им по своему усмотрению. А те, кто сопротивлялся этому грабежу и хотели защитить свой труд, были расстреляны войсками.

Коллективизация изображена по горячим следам в романе «Поднятая целина» М. Шолохова (первая книга писалась в 1932 г.), есть о ней строки в «Чевенгуре» и «Котловане», а повесть «Впрок» А. Платонова – уникальное произведение о коллективизации. Его прочитал Сталин и назвал Платонова «вражеским агентом», а саму повесть – написанной «с целью развенчания колхозного движения». Она была запрещена к печати, а на писателя организована травля, едва не стоившая ему жизни. Особое место в повести занимает история товарища Упоева, ежедневно тратившего «тело для революции» так, что даже его семья постепенно «вымерла от голода и халатного отношения к ней», а сам он в одну из ночей «сжег кулацкий хутор, чтобы кулаки чувствовали, чья власть». Повесть с ее сюрреалистическими образами и языком, показала абсурд и катастрофизм происходящего. В свою очередь, в платоновском «Чевенгуре» «социализм уже случайно получился» и «людям некуда деться», настал конец истории. А. Платонов описывает жизнь коммуны, основанной, как и колхоз, на «равенстве» всех – равенстве в нищете и рабстве у государства. Здесь пашню бросили, поскольку работник назвал себя «богом свободы», а труд объявили «пережитком жадности», способствующим «происхождению имущества». Никто в коммуне не сеет, не жнет, так как все «исполняют должности» (сбылась мечта шолоховского Щукаря о «портфеле»!). А. Платонов доводит идею коллективизации до абсурда и показывает крах Чевенгура. Эта гениальная фантазмодория – лучшая из антиутопий XX века.

Сохранилось и достаточно много свидетельств о личном отношении писателей к коллективизации и страшному голоду. Б. Пастернак, узнав о том, что происходит, и лично увидев на ж/д станциях массы умирающих крестьян, которые пытались уехать в город и там спастись, пришел в ужас, был на грани самоубийства, «год не мог спать» и потерял способность к творчеству, занимаясь только переводами для заработка. Ужас человеческих страданий, увиденный им в 1930-33-м годах, в конце концов, привел его в Церковь. Но, к сожалению, большинство так называемых «советских писателей» не только не испытывали никакого ужаса и сострадания, но, наоборот, даже откровенно злорадовались по поводу уничтожения «темного мужика», как М. Горький и многие другие вместе с ним. Ю. Тынянов, по свидетельству современников, называл колхозы «гениальным изобретением» Сталина.

Первое время в СССР «главным романом» о коллективизации считался роман «Бруски» Ф. Панферова. Ему даже посвятил очерк в эмигрантской печати Г. Адамович. Он писал: «книга, которая за все время существования советской литературы имела

наибольший официальный успех... Но Россия молчит. Вместо нее говорят только те, кому, в виде исключительной привилегии, это право предоставлено»; «иной средний “пролетарский” роман, о котором никаких толков не слышно, бывает как произведение художественное удачнее серых, тягучих, бескостных панферовских “Брусков”. Талант у Панферова, по-видимому, есть, но состояние этого таланта самое первобытное, самое сырое. Решив, что он “глубже Толстого и Достоевского”, Панферов, очевидно, находит, что ему как писателю над собой работать ни к чему» [1, с. 324-325]. Сюжет этого романа прост и представляет собой простое нагромождение событий и лиц: «Было когда-то на берегу Волги барское поместье под названием “Бруски”. Барин умер до революции, поместье должно было достаться богатому мужику, “кулаку” Егору Чухлеву... Панферов ничего не выдумывает, да и не мог бы он выдумать столько положений, взаимоотношений, фактов, типов, лиц: это, несомненно, записи “с натуры”. Из этих записей плохо складывается роман, – и “Бруски”, повторяю, плохой роман, – но сами по себе записи интересны», – отмечает Г. Адамович [1, с. 329]. Тем самым, хотя Ф. Панферов везде проводит «линию партии», наличие у всех его героев реальных прототипов придает роману некоторую документальную ценность.

Однако в не менее официозной «Поднятой целине» все-таки показаны ужасы раскулачивания. Там есть сцены раскулачивания Фрола Дамаскова, Титка Бородин. М. Шолохов изображает раскулачивание как самый обыкновенный разбой, вызывающий возмущение и гнев. Грабители тоже рядовые: жадные до мелочности, развязные, безжалостные, упоенные превосходством силы. Что же касается «кулаков», их поведение не соответствует ситуации, ибо они не взывают о снисхождении, не валяются в ногах. М. Шолохов даже явно симпатизирует Титу Бородину, в прошлом красноармейцу, имеющему раны и отличия, которого его прежние товарищи по оружию теперь зачислили в кулаки. Раскулачивают они Тита Бородин как раз за то, что он – хороший работник, для которого труд – в радость. Автор как бы и не на стороне давыдовых-нагульновых. Он не только показывает всю бесчеловечность их поступков, но и откровенно иронизирует над одним из них – Нагульновым, в частности, над его стремлением смотреть на мир через призму давно канувшей в лету идеи мировой революции; и над тем, как Нагульнов, выступая на собрании, откровенно и нагло лжет. Макару Нагульнову ничего не стоит ударить человека, под дулом нагана добиться ложного оговора, арестовать невинного, совершить самосуд. Отношение же народа к колхозам проскальзывает в отдельных острых репликах: «Раньше без колхоза жили, не указывали, как сеять и пахать»; «Трое работают, а десять под плетнем на прищипках сидят, сигарку крутят». М. Шолохов не скрывает, что с коллективизацией согласны только крестьянские люмпены типа деда Щукаря, которые никогда не имели своей собственности, не умели трудиться, а потому колхоз для них – действительно «рай»: не очень-то утруждая себя, можно делать вид «полезного человека».

М. Шолохов показывает, что в основном те, кого раскулачивают, – труженики, умные, грамотные хозяева – это Тит Бородин, Фрол Дамасков, Гаев, Тимофей Рваный. Один из них говорит: «Жизнь такая, что, если б банда зараз была, сел бы на коня и начал коммунистам кровь пущать!.. С кольями бы пошли, как вешенцы в девятнадцатом году!». Но у М. Шолохова трагедия коллективизации проскальзывает лишь отдельными штрихами, не будучи развернута психологически и детально. Никого, даже автора, не смутило, что переустройством дел в деревне занялся Давыдов, слесарь путиловского завода, городской человек, не знающий крестьянского труда. Казаки оценили это в первый же день: «Товарищ уполномоченный в сельском хозяйстве мало понимает, за плугом он, кубыть, не ходил по своей рабочей жизни и, небось, к быку не знает с какой стороны надо зайтить». Хотя Давыдов ничего не смыслит в сельском хозяйстве, однако с «классовым» превосходством учит «темных»

казаков уму-разуму. «Надо больше сеять, – учит он в своей «программной» речи, – Надо организовать колхоз и уничтожить кулака как общего нашего кровососа». М. Шолохов заставляет одного из коммунистов – Разметнова – усомниться в справедливости совершаемого. Разговор Разметнова с Давыдовым и Нагульниковым – одна из ключевых сцен в романе. Председатель сельсовета опешившим секретарю партячейки и председателю колхоза прямо заявляет: «Раскулачивать больше не пойду». На том основании заявляет, что он «с детишками не обучен воевать!». Нагульников отвечает: «Гад!.. Как служишь революции? Жа-ле-е-ешь?» Затем Нагульников произносит, пожалуй, самую страшную фразу в романе: «Да я... тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порежу!» [30, с. 69].

Раскулачиванию подверглись самые талантливые хозяева, те люди, которые любили и умели работать на земле. Ставка делается на деревенскую бедноту, которой за вступление в колхоз предлагается своеобразная взятка – возможность узаконенного грабежа. Вы вступаете в колхоз, а мы вам разрешаем устроить погром в нескольких так называемых кулацких хозяйствах. Вот что говорит Давыдову один из представителей деревенской бедноты Любишкин: «Чего ты мне говоришь о колхозе?! Жилы кулаку перережьте, тогда пойдем! Отдайте нам его машины, его быков, силу его отдайте, тогда будет наше равенство! А то все разговоры да разговоры “кулака уничтожить”, а он растет из года в год, как лопух, и солнце нам застит». А когда получают согласие на грабеж: «Так мы же с дорогой душой в колхоз! Хоть нынче ночью!». Середняки идут в колхоз из страха стать очередной жертвой новой власти. После выхода в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов» люди, было, поверили, что нагульниковым и давыдовым дан отбой, и ринулись на волю, за одну только неделю из колхоза вышло около ста хозяйств. Однако эта «свобода» оказалась обманом: даже Нагульников возмущается: «Почему выходцам не приказано было возвращать скот? Это не есть принудительная коллективизация? Она самая! Вышли люди из колхоза, а им ни скота, ни инструмента не дают. Ясное дело: жить ему не при чем, деваться некуда, он опять и лезет в колхоз». М. Шолохов обладал уникальной способностью, строго придерживаясь партийных указаний и идеологических установок, тем не менее, показывать вполне правдивую картину страшных событий русской истории во всей ее сложности. Это касается и «Поднятой целины», и «Тихого Дона». Это можно объяснить тем, что для людей того времени идеологические установки стали чем-то сакральным, фактически заменившим религию, и поэтому их явное несоответствие реальности таких людей нисколько не смущало.

Второй этап обращения писателей к памяти о коллективизации начался со второй половины 1950-х годов в рамках «деревенской прозы», которая от заказного воспевания колхозной деревни обратилась к теме погибающей, вымирающей деревни – как результату коллективизации. «Знаковыми» и уже признанными классическими произведениями на эту тему стали «Матренин двор» А. Солженицына, «Привычное дело» В. Белова, «Живой» Б. Можая, «Поездка в прошлое» Ф. Абрамова, «Овраги» С. Антонова. Наконец, с 1970-х годов начали создаваться вершинные произведения, уже непосредственно посвященные трагедии коллективизации – «Мужики и бабы» Б. Можая, монументальная хроника В. Белова в трех частях – «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый», «Касьян Остудный» И. Акулова, «Перелом» Н. Скромного. «Деревенская проза» (из этого названия некоторые хотели сделать издевательство, как когда-то и из слова «славянофилы», получилось же наоборот) совершила два подвига в современной русской культуре – вернулась к подлинным нравственным и художественным традициям русской классической литературы; и она первая дала подлинное понимание того, что произошло с русским народом в XX веке.

Поэтому В. Астафьев справедливо назвал ее явлением уникальным и «мировым феноменом, родившимся из страданий и несчастий народа» [6, с. 4].

А Ольга Славникова пояснила это с точки зрения новых поколений, искавших пицци духовной: «Главным было: не только в баснословные классические времена жили люди, о которых находилось что сказать. Мы – не провинциалы в историческом времени и пространстве, мы тоже живем, мы есть, и наш сегодняшний день, наша реальность так же плодоносят, как и великий XIX век... деревенский, ничего не читающий человек, проживший наедине с собой свою тяжелую жизнь, вдруг осознает свою незрячность, неслучайность своего прихода в мир, и шире – значимость и высокий смысл всякого человеческого дыхания. Старуха из повести “Последний срок” – это уже в полном смысле слова классический пример просветления духа, не имевшего помощи ни в религии, ни в литературе, но нашедшего все, что надо, в самой что ни на есть обыкновенной бабьей деревенской судьбе: “...после каждого несчастья она заново собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой и подталкивала: ступай, живи, без тебя никто на твое место не заступит, без тебя никто тобой не станет”. Таково общечеловеческое значение “деревенской прозы”... “Деревенская проза” всем, отчужденным от собственной жизни, подала утешение и надежду – на то, чтобы стать и быть собой. Она, может быть, выявила образ Божий в пресловутом “советском человеке”» [25, с. 205].

Магистральным сюжетом «деревенской прозы» стала гибель великой православной цивилизации и сохранение навечно образов ее живых лиц, еще доживших до второй половины XX века. Поэтому естественно, что в конце концов она должна была обратиться и к самому ключевому событию этой катастрофы – к эпохе коллективизации. Впрочем, еще в ту самую эпоху, в 1929 году в романе «Соть» Л. Леонова, в диалоге монаха Геласия и «индустриализатора» Увадьева уже была указана суть происходящего:

«– Ноне и мертвые ходят, – жестко бросил Геласий, и худая рука его схватила воздух. – Там, где живому боязно, мертвому нипочем...

– Люблю злых, – минуту спустя сказал Увадьев. – Тугая, настоящая пружина в них, годная ко всякому механизму. Злых люблю, обиженных, поднимающих руку люблю».

И далее:

«– ...А известно ли тебе, что есть еще другие люди, которые справедливости ищут и кровь за нее отдают?»

– Это которы хлеб у мужиков отбирали? – почти равнодушно переспросил Геласий, но сбился с весла, и брызги густо хлестнули в Увадьева. – Один из ваших и досель в болотце гниет... Очень *такой* человек был, солдат. Справедливость-те от красоты идет, а красота из тишины рождается, а вы ее ломом, тишину-те, корежите...»

По поводу строительства целлюлозной фабрики Геласий сказал:

«– Это все так, это для прикрытия сраму, а душа... душу куда определишь? Она что гвоздь: полежит без дела – заржавеет!

Увадьев перестал отчерпывать воду; в этот миг он отвечал не одному только Геласию:

– Душа, еще одно чудное слово. Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мыло... я делал их, или ел, или держал в руках... я знаю их на цвет и на ощупь. Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?.. где это продают?

– Как же я рыбине объясню, зачем мне ноги дадены! Она и без ног свою малявку сыщет...» [20, с. 190]. Так доступно ответил монах этому «любителю злых».

Коллективизация – это убийство русской православной цивилизации Геласия безродной и безбожной цивилизацией Увадьева. Цивилизация Бога, совести и лада – уничтожалась антимиром пустоты, жадности и злобы.

Рассказ А. Солженицына «Матренин двор» положил начало и теме раскулачивания, и «деревенской прозе» в целом. Первоначальное название «Не стоит село без праведника» отражало главную направленность рассказа – показать праведную, полную страданий, несправедливости, ударов судьбы жизнь крестьянки как основу сохранения деревни вообще. Героиня Солженицына чертами характера, отношением к миру схожа во многом с русскими святыми: то же бескорыстие, отзывчивость, душевность, кротость и молчаливость, терпение. Писатель не дает общего ее портрета, отмечая только «простодушный взгляд блекло-голубых глаз» и лучезарную улыбку. Как у многих праведников, земная жизнь Матрены была трудной. На Первой мировой войне пропал без вести жених, который вернулся из плена через три года. К тому времени Матрена уже вышла замуж за его брата. Она пережила смерть шестерых детей, гибель мужа в Великую Отечественную. В деревне ее считали «порченной», потому что безразлично относилась Матрена к «добр», материальному богатству, бескорыстно помогала всем и каждому. Как и все праведники, Матрена «не гналась за нарядами, за одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев». А. Солженицын особо подчеркивает праведнические черты и поведение героини, ее систему ценностей, в корне отличающуюся от «новых» деревенских жителей. В финале рассказа автор говорит о ней: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». В рассказе прямо не говорится о коллективизации, а упоминается лишь, что она заставила людей не «по себе работать», однако именно этот рассказ А. Солженицына задал нравственные параметры и теме коллективизации, и «деревенской прозе» в целом. Здесь впервые было показано, ЧТО было уничтожено большевиками в России в XX веке. *Была уничтожена великая христианская цивилизация, создавшая тот уникальный народный русский характер, которому вряд ли найдется равный во всем мире по его нравственным достоинствам и духовной глубине.* Однако в этом рассказе есть и фундаментальный символ судьбы русского крестьянства, на который впервые проницательно обратила внимание А. Ахматова. Она очень высоко оценивала «Матренин двор» в художественном отношении, а себя даже отождествила по судьбе с Матреной, сказав: «Я та самая старуха из Солженицына, которая говорит, что ей надоело всех провожать на тот свет». А главный страшный символ рассказа таков: «Ведь у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги» [18, с. 27], – сказала А. Ахматова. Этот страшный, но точный символ того события в русской истории XX века, из которого затем и выросла вся «деревенская проза».

В литературе остались свидетельства того, что сам народ хорошо понимал, откуда пришла беда и что на самом деле стало ее подлинной причиной – предательство веры и отступление людей от Бога. В повести «Облава» (1986) В. Быкова ее герой Хведор Ровба, безотказный труженик, хороший и работающий хозяин, раскулаченный, во время ссылки потерявший жену и дочь, через пять лет бежит из лагеря и добирается до родного села. И вот односельчане, комсомольские активисты, пограничники устраивают на Хведора облаву, загоняют его, как зверя, в болото. Во главе облавы – партийный секретарь, родной сын Миколка. Если такое возможно, то как тогда жить? Вот ключевой момент повествования: «...ненависти не получалось. Было иное чувство – что-то вроде сожаления. Та сокрушающая неудача перевернула Хведора – он познал волю. Крохотный ее глоток не утолил жажды, но заронил надежду, и, куда бы потом ни забрасывало Хведора, в какие бы условия он ни попадал, он жадно присматривался к обстановке и людям, думал, прикидывал все с единственной целью – бежать. Но вот он

достиг того, к чему так стремился, преодолел невозможное – и теперь дома, А что дальше? Куда отсюда бежать? Идя умереть голодной смертью в лесу? А может, это ему наказание Божье? За образа, которые он молчаливо позволил Миколке вынести из хаты? Сперва Ганулька припрятала их за дымоходом на чердаке, но Миколка нашел, вытащил и разбил об угол амбара. Мать заплакала, а Хведор не знал, как к тому отнестись. Вроде и жаль было святых, с которыми прошла жизнь поколений, но опять же – если сын поступает так не по злобе, а по велению власти... В то время Хведор считал, что власть не может ошибаться, что в Москве или в Минске сидят умные, образованные люди, которым доподлинно известно, есть Бог или нет и как с ним поступить в интересах народа. Он же, имея за плечами всего две зимы церковноприходской школы, в вопросах религии мало что смыслил и думал, что окончивший семь классов сын разбирался в ней больше» [10, с. 128.]. Здесь очевидна горькая авторская ирония – оказывается, «семь классов» вполне достаточно, чтобы разбираться в религии – указывает, увы, и на духовную слабость народа, не сумевшего отстоять свои святыни. Да, были многие и многие тысячи праведников и мучеников, прославивших имя Божие перед лицом смерти, но их оказалось недостаточно для защиты веры. Но народ предал их и не защитил свою Церковь.

В романе Б. Можаяева «Мужики и бабы» (1 книга – 1976; 2 книга – 1987) показана хроника событий на Рязанщине, в которых отражается вся страна. Здесь нет, как у Шолохова, белых офицеров и убийств активистов – здесь просто грабят, насилюют, изводят под корень народ. Роман Б. Можаяева впервые в советской литературе развеял миф о добровольном объединении крестьянских хозяйств в коллективные. Этот роман был «первой ласточкой» – коллективизация представлена здесь как трагедия миллионов людей. В один день люди лишались нажитого тяжелым трудом добра, дома и свободы. В 1929-м году на XV съезде ВКП(б) было принято решение о сплошной коллективизации деревни. В село спустили план: одна тысяча пудов зерна на сдачу государству. Местные власти, чтобы выслужиться, увеличили его в пять раз. Первым делом начались погромы хозяйств середняков. Максим Иванович со своей женой Фросей отдали все зерно государству, у них ничего не осталось. Но после этого руководство потребовало дополнительной сдачи зерна или его денежного возмещения. Семья оказалась в безвыходном положении: не было ни денег, ни зерна. Ничего не оставалось крестьянам, как только, спасая свои жизни, бежать из родных мест. В таком же положении оказались почти все жители Выселок. Б. Можаяев показывает жестокое и хамское поведение людей, облеченных властью в деревне. Это беспринципные бездельники типа Сени Зенина и Якуши Ротастенького. Вид человеческих страданий вызывал у них радость и ощущение собственной значимости. У их начальника Никанора Возвышаева простая жизненная философия: «Мир держится на страхе – либо ты боишься, либо тебя боятся». Главный принцип его руководства – держать людей в страхе: «20 февраля все должны быть в колхозах! Не проведете в срок кампанию – захватите с собой сухари. Назад не вернетесь». 20 февраля все должны вступить в колхоз – вначале приготовить кормушки для скота, потом по всему району провести собрание, проголосовать и в течение 24 часов согнать весь скот, но мужики уперлись, семена не сдают. Возвышаев дает команду сбивать замки с амбаров, брать людей под арест, штрафовать. И тут взбунтовались крестьяне многих деревень. Мужики в Веретье переломали общественные кормушки и сбежали в лес, в селе Красухине избили Зенина и держат его под крестом, магазин разграбили, семена растащили. В Желудевке в сельсовете разбили окна, сожгли бумаги... Крестьян ждала страшная расправа. В течение тридцати лет Б.А. Можаяев собирал информацию о Пителинском восстании крестьян против коллективизации, опрашивал очевидцев. Вспомнили они и страшные пророчества, вложенные в романе в уста

стотринадцатилетнего старца Ивана Петухова – «Ивана-пророка», арестованного и исчезнувшего еще в 1918-м году. Он говорил: «Настанет время – да взиграет сучье племя, сперва бар погрызет, а потом бросится на народ. От села до села не останется ни забора, ни кола, все лопухом зарастет. Копыто конское найдете – дивиться будете: что за зверь такой ходил по земле» [21, с. 148]. Нынешнее запустение деревни является явным исполнением этого пророчества. Сам же писатель сделал свой историософский вывод: «Соблазнительная же теория вселенского Добродетельного Икара – сделать всех счастливыми в один всеобщий присест за длинные фалангерские столы с небесной манной, распределенной на равные доли все тем же Добродетельным Икаром, была погребена на нашей земле русскими мужиками и бабами» [21, с. 287]. Тем самым русский народ стал тем народом-мучеником, который своей жертвой показал ложность «великих утопических идей».

У А. Солженицына в романе «В круге первом» в главе 71 есть короткое, но страшное повествование о коллективизации: один из героев, узник «спецшарашки» инженер Рубин, с ужасом вспоминает, как «очищал от кулаков» украинское село в 1933-м и забирал хлеб: «Разумелось само собой! – разрывать ямы с закопанным зерном, не давать хозяевам молоть муки и печь хлеба, не давать им набрать воды из колодца. И если дите хозяйское умирало – подышайте вы, злыдни, и со своим дитем, а хлеба испечь – не дать. И не исторгала жалости, а привычна стала, как в городе трамвай, эта одинокая телега с понурой лошастью, на рассвете идущая затаенным мертвым селом. Кнутом в ставенку: – Покойники е? Выносьтэ...» [26? с/ 518]. В 1970-м в Лондоне вышел новый, неподцензурный вариант романа «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова, в котором было упоминание о событиях страшного голода, возникшего вследствие коллективизации на Украине. Во время немецкой оккупации автор иронически отметил: «Чудаки немцы, нашли кого учить, что можно есть, – украинцев, которые пережили голод тридцатых годов!.. Мы сами кого хочешь поучим» [19, с. 112]. Но важно не только это. Автор показал новую психологию людей, оправдывающую воровство – как месть советской власти за то ограбление народа, которое она устроила. Он описывает грабеж магазинов Киева населением при занятии города немцами в 1941 году: «Бабка посмотрела, качнула головой: – Или у нас лампы нет, сынок? Зато дед меня понял и похвалил: – А вот и пусть! Молодец! Большевики сами у народа все ограбили да втридорога же и продавали, это наше. Ах, я не знал, прозевал, ах, прозевал!» [19, с. 123]. Здесь показана та перемена в народной душе – от былой высокой нравственности к новому мстительному сознанию, которое также является прямым следствием советского «обобществления» и коллективизации. Народ, чувствуя себя ограбленным, теперь мстит новой власти и стремится украсть у государства.

Впервые же все ужасы голода как первого следствия коллективизации были подробно показаны в повести Василия Гроссмана «Все течет», которая писалась в 1955-1963 годах, но была опубликована только в 1970-м за рубежом. В ней одна из чудом выживших героинь говорит: «неужели отказался Сталин от людей? На такое страшное убийство пошел. Ведь хлеб у Сталина был. Значит, нарочно убивали голодной смертью людей. Не хотели детям помочь. Неужели Сталин хуже Ирода был. Неужели, думаю, хлеб да зерно отнял, а потом убил людей голодом. Нет, не может такого быть. А потом думаю: было, было!.. Мне один энкаведе сказал: “Знаешь, как в области ваши деревни называют: кладбище суровой школы”... Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом средний возраст. Вначале закапывали, потом уж не стали закапывать. Так мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало. Умерла вся деревня. Кто последним умирал, я не знаю...» [11, с. 127; 129].

В художественной автобиографии выдающегося философа и писателя А.А. Зиновьева, родом из костромской деревни, есть очень выразительная характеристика колхозной жизни 1930-40-х годов: «Год колхозной жизни в наших местах я приравниваю по крайней мере к году исправительных лагерей строгого режима... Колхоз не сразу обнаружил свою сущность. А когда обнаружил, было уже поздно. Оставался один выход: бегство. Бегство нашей семьи растянулось на шестнадцать лет. Для истории такой срок – миг. А для страдающих индивидов вечность. Для матери эти годы были непрерывной пыткой. Она работала больше других, так как семья была больше. Оплата труда была издевательская. Но даже несколько дополнительных килограммов зерна были спасительными. На ее глазах происходило крушение всего прежнего уклада жизни. Закрыли церковь. Стремительно рушились моральные устои тех, кто остался в деревнях. Пьянство. Воровство. Обман. Лодыри, жулики и дураки на короткое время вылезали в начальство и скоро исчезали в тюрьмах, уступая место таким же несчастным ничтожествам... И мать жила постоянно в страхе быть арестованной за какое-нибудь мелкое преступление, изобретенное новым строем. Например, я мальчишкой ходил далеко в лес за грибами, брал с собой маленькую косу, прятал ее, чтобы не увидели соседи, в лесу прикреплял ее к палке и косил на полянках траву. Ночью мы с матерью приносили скошенную траву домой и прятали. Если бы соседи увидели это, то непременно донесли бы. За охапку сена на первый раз конфисковали бы целый воз, а то могли и посадить в тюрьму» [14, с. 36].

К теме коллективизации обращались и вполне официозные советские писатели, не обделенные талантом. С. Залыгин показывает «кулака» Степана Чаузова в повести «На Иртыше» как умного и трудолюбивого хозяина земли, которого и ломал «великий перелом». Однако в своем центральном романе «После бури» – в главе, названной «1929-й – год великого перелома», С. Залыгин вообще не упоминает ни о раскулачивании, ни тем более о голоде: вся глава заполнена официозными новостями (и в основном зарубежными). Или это сознательная «фигура умолчания»? В автобиографическом романе М. Алексеева «Драчуны», написанном в 1981 году, автор показывает, как коллективизация силой навязывалась крестьянам. Председателя сельсовета, выступившего против этого, сменили за «непростительную мягкотелость». Новый председатель провел раскулачивание очень быстро, однако «кто-то нашел, что процент “ликвидированных” относительно общего числа жителей села слишком мал, чтобы провести под ним черту и поставить точку, и распорядился продолжить кампанию по раскулачиванию...» В результате во второй волне кампании оказались и семьи некоторых «вновь испеченных колхозников, успевших отвести на общий двор своих лошадей»; «и к тому моменту, когда эти перегибы были решительным образом осуждены, названы “головокружением от успехов”, треть села, насчитывавшего свыше шестисот дворов, словно бы испарилась...» [3, с. 188]. В свою очередь, в повести Ф. Абрамова «Поездка в прошлое» (1974), впервые изданной в 1988 году, открылась новая тема – память о том, что было. Эта память вдруг оживает, возвращается и хотя и ломает судьбы ныне живущих людей, но тем самым преображает их души.

В потрясающем рассказе «Хлеб для собаки», написанном в конце 1960-х, но изданном только в 1988-м, В. Тендряков впервые в тогдашней литературе показал страшный Великий голод 1932-1933 гг. Раскулаченные «зажиточные» крестьяне, сосланные в Сибирь и не добравшиеся до места ссылки, были брошены умирать голодной смертью в маленьком березнячке на глазах у жителей посёлка. А местные дети, «окаменевая от страха, безгливости, изнемогая от упрямой панической жалости, мы наблюдали...». Автор описывает сцену смерти «куркуля», который «вставал во весь рост, обхватывал ломкими лучистыми руками гладкий сильный ствол берёзы, прижимался к нему угловатой щекой, открывал рот, просторно чёрный,

ослепительно зубастый, собирался, наверное, крикнуть <...> проклятие, но вылетал хрип, пузырилась пена. Обдирая кожу на костистой щеке, „бунтарь“ сползал вниз по стволу и <...> затихал насовсем». Мальчик, будущий автор рассказа, тайком он выносил остатки своей еды «куркулям». Так продолжалось некоторое время, но потом число попрошаек стало расти, они встали на пути возвращавшегося домой мальчика и стали просить еды. Он ответил им истерическим криком, и они, «разом потухнув, опустив руки, начали поворачиваться ко мне спинами, расползаясь без спешки, вяло. А я не мог остановиться и кричал рыдающе». А потом появляется собака – самое голодное существо в посёлке. Мальчик хватается за неё, как за единственный способ не сойти с ума от ужаса сознания того, что он ежедневно «съедает» жизни нескольких людей. Мальчик кормит эту несчастную собаку, которая не существует ни для кого, но понимает, что «не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть». А потом застрелился начальник станции, принимавший ссыльных: «Он не догадался найти для себя несчастную собачонку, чтоб кормить каждый день, отрывая хлеб от себя» [28, с. 112].

Рассказ завершается такими данными: «Если из урожая 1928 года было вывезено за границу менее 1 миллиона центнеров зерна, то в 1929 году было вывезено 13, в 1930 году – 48,3, в 1931 году – 51,8, в 1932-м – 18,1 миллиона центнеров. Даже в самом голодном, 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна!» [28, с. 118]. В. Тендряков в рассказе «Пара гнедых» вскрывает пагубность принципа перераспределения. Ничего существенно не меняется, когда у хозяйственного зажиточного крестьянина Коробова отбирают крытый жостью, с застекленными окнами и крашеным полом дом и отдают его беспутному, самому бедному мужику Акуле. Крышу Акуля пропил, доски с пола тоже, жена его как в прежней лачуге никогда не мыла, так и в коробовском доме заросла грязью. Такие, как Акуля, не хотят работать – хоть в одиночку, хоть в колхозе такие люмпены способны только разрушать созданное другими, которым завидуют. Но их бедность – их защита в период коллективизации. Они теперь стали «хозяевами жизни».

В романе Ивана Акулова «Касьян Остудный» глубок и трагичен образ Федота Федотыча Кадушкина – бедняка, который благодаря усердному труду превращается в зажиточного крестьянина, готового «за каждое зернышко, за всякую соломинку... заложить свою душу». В его хозяйстве уже накануне коллективизации шесть лошадей, семь голов крупного рогатого скота, восемнадцать овец, новая молотилка, локомобиль. В ведении хозяйства он использует наемный труд крестьян. Он говорит: «Я христианин и знаю, что грех незамолимый – ездить человеку на человеке. Но ежели у него умения нет свое хозяйство вести? Ведь учу я его не воровству». Наоборот, он всегда помогал другим – Телятниковой Марфе, которая «теперь сама с козырей ходит», Аркашке «за полцены» молотилку отдал и т. д. Иногда в ночных раздумьях Федот Федотыч думал, что надо бы хозяйство свернуть, часть передать сыну Харитону, а себе оставить корову да лошаденку – «однако с наступлением утра по многолетней привычке неумоимо набрасывался на работу». А когда у него отняли все хозяйство, он уже почти безучастно подумал: «Я уже сам себе не хозяин. Зачем мне все это? И жизнь?». А затем «вдруг вспомнились ему слова из Псалтыря, которые он много раз слышал, но только сейчас внутренним озарением ему открылся их смысл, он неожиданно понял всю глубину утешительных тех слов и стал шептать их, все более и более чувствуя, что с ним есть кто-то, что он не одинок и никогда не будет одиноким. “Да внидет пред лице твое молитва моя; приклони ухо твое к молению моему, ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней. Я сравнил себя с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы”» [2, с. 234]. Но псалом не помог несчастному – от горя он не мог уже жить и бросился в ледяной колодец. Остальная часть романа

посвящена судьбам его близких, которых автор, естественно, приводит к принятию новой жизни. Но все они мелки по сравнению с этим героем. Это почти титанический и горько-трагический характер, который останется в русской литературе навсегда.

Виктор Астафьев писал Ивану Акулову в декабре 1977-го: «...спасибо тебе за то, что ты доверился мне и дал прочитать свой роман. Ничего я честнее, мужественней и талантливей не читал в нашей литературе о нашей горемычной деревне... Только через себя пропустивши нашу деревню,... возможно было написать о ней так глубоко, с таким проникновенным страданием, как это сделал ты. Всё же твоё преимущество в возрасте сказалось – несколько лет работы на земле, истинной, взрослой, заменяют всю память и интуицию, какая, например, дадена мне» [5, с. 252-253]. По мнению же критика Наума Лейдермана, «как только заводят речь о современных романах, посвященных “великому перелому”, сразу упираются в “Кануны” Белова, “Мужики и бабы” Можаяева, ну ещё помянут алексеевских “Драчунов”... Но ведь “Касьян остудный” композиционно куда крепче скроен, а какая там пластика – словно густой луг, где каждая травинка, каждый лютик выписаны. А собственно историческая концепция акуловского романа куда многомернее, сложнее, чем в других романах на сходную тему» [4, с. 34]. Это мнение субъективно, но показательное.

Роман «Перелом» мурманского прозаика Николая Скромного (1948-2007) начал публиковаться в 1986 году в журнале «Север» (№ 10-12), а полностью был издан в 1989-м. «Перелом» посвящен истории высланных в Северный Казахстан раскулаченных крестьян – судьбам узников знаменитого Карагандинского лагеря – Карлага. Сюда весной 1930-го главный герой Максим Похмельный привозит ссыльных. Бывшего местного председателя арестовывают, и Похмельному пришлось возглавить колхоз. Раскулачивание перевернуло всю его душу: «То, что он увидел и в чем принял участие, потрясло его... С первого же дня он оказался на грани срыва... Стой поры его не покидает ощущение, будто в Лебяжьем он в пьяно-безумной озверелости сгреб и с корнями вырвал все родное, связующее его с детством и дорогим ликом матери, оставив и в селе, и в своей душе самым загаженную пустошь» [24, с. 61]. Здесь вновь, как и у А.И. Солженицына, появляется герой, переживающий вину за содеянное при раскулачивании. А в четвертой книге «Перелома» недавний конвоир сам становится подконвойным. Шесть лагерных лет Похмельного – это круги земного ада, которые включили в себя работу в каменоломне, неудачный побег, наказание, после которого «доходягу» используют только на самых грязных работах, вплоть до чистки выгребных ям, а после того как Максим переболел тифом, он работает в похоронной команде. Здесь он в конце концов обретает веру в Бога и остается жив. Как отметит исследовательница его творчества Н.П. Большакова, центральным в романе является именно сюжет о чуде духовного преображения человека, когда «убежденный большевик-партиец, пройдя все круги ада, стоявший не раз перед лицом смерти, приходит, наконец, к пониманию истинных ценностей, находит в душе своей Бога и оказывается спасенным» [9, с. 107].

В романе есть важный диалог о возможности восстания ссыльных:

« – У высланных ни связи, ни средств, ни оружия. На казахов рассчитываете? Чепуха! Как вы будете согласовывать свои действия? Телеграфом? То-то же!.. Голодные, с детьми да на таких просторах. Да вас один конный полк разметет в пух и прах в первый же день. Не надо забывать и о добровольцах. В одной Гуляевке их полсела наберется... Вы только людей погубите и высланных подведете...

– А я верю! Верю в будущее... Ты говоришь, высылают три-четыре процента? Врешь! Не хочешь говорить – не надо, но врать мне не советую. Я знаю доподлинно: до двадцати – двадцати пяти процентов! Из ста крестьян – двадцать пять гоните в лагеря! Вот оно, истинное лицо вашей партии! Извели все оппозиции, и оно наконец-то

открылось во всей своей красе. Кому нужна такая рубка? Крестьянину? Рабочему, которым вы прикрываетесь, творя свои черные дела? Выкосили Украину, Дон, Кубань... Вы даже нищих чеченов и тех объявили кулаками. Уже везут! Тысячи людей вы уложили вместе с бетоном на беломорском канале! Если бы не вмешалась международная коллегия адвокатов... За подобные изуверства от вас отвернулся международный рабочий класс. Он не станет – не рассчитывайте! – помогать вам, как это было в гражданскую. Сами крестьяне не станут защищать такую партию. Пожили при ней. По горло сыты! Что гуляевцу думать? Вчера соседа в лагерь, завтра – меня? Знай: сколько будет существовать социализм, столько и будут народы проклинать коллективизацию. Не было в их истории ничего более трагичного. Подумать только: лиц первой категории определили к ликвидации. Три процента к расстрелу. И опубликовать не постеснялись! А перед ужасами массового раскулачивания с последующей высылкой в северные края, где они так же массово погибают от холода, голода и непосильной работы вместе с малолетними детьми... Здесь, в Казахстане, казахи аулами, родами откочевывают в Китай. Вся Россия готовится! Дай клич – и пойдут и голодные и с детьми. Вы и месяца не продержитесь. Ты не веришь? А я верю!» [24, с. 228]. Восстания были действительно невозможны, однако сказанное здесь полностью оправдалось историей. Когда народ пошел защищать Родину и просто свою жизнь в Великую Отечественную войну, большевики наивно думали, что он защищает советскую власть и «завоевания Октября». Но в 1991 году настал момент истины – эту власть защищать никто не вышел.

Опубликованная в 1989 году повесть В. Солоухина «Смех за левым плечом», основанная на личных воспоминаниях, вместе с тем была и первым примером философского осмысления сути коллективизации. Характерен для повести следующий фрагмент: «Важно было унижить народ, важно было сломать его еще раз, еще и на этом, на колоколах. Первый раз сломали на коллективизации, на колхозах, на отнятии земли и лошадей, на отнятии инициативы и ощущения хозяина на земле. “Год великого перелома”. Перелома хребта российского крестьянства, народа. Как и человека, который мужественно сопротивляется чему-либо, упирается, стоит на своем, достаточно сломать один раз (у следователей это называется «расколоть»), так и с целым народом. Сломать один раз, а потом делай с ним все что хочешь. Для того, чтобы закрепить первый слом (с коллективизацией), и решено было еще раз унижить народ и сломать его еще раз – по всей России сбросить колокола. Обеззвучить страну и народ, обезьязычить их, ввергнуть в глухую немоту. Если он, народ, и на это никак не ответит, ну тогда, действительно, делай потом с ним что хочешь, вей из него любые веревки... В селе и в окрестных деревеньках организованы колхозы, то есть крестьяне обречены на безрадостный, подневольный, почти что бесплатный труд, по сигналу, по звонку (ради этого оставили один маленький колокол из трезвонных, пуда на полтора, и повесили его на столбе)» [27, с. 141].

Следует выделить психологически тонкий рассказ известного прозаика Б. Екимова «Пресвятая Дева-Богородица...», опубликованный в «Новом мире» в 1990 году. В нем показаны на основе личных воспоминаний не только события коллективизации, но и их переживание людьми, что и отражено в названии. Кроме этого, в рассказе есть и важные фактические сведения о том, как все было: «Детей было много, мал мала. А коров надо подоить утром да вечером, молоко обработать... Работников не нанимали, все своими руками. И кормят, и чистят, и сено готовят. Помню, у тетки Нюры грудной был ребенок. Когда время придет его кормить, она прямо на пол падает, вынет грудь, даст, а сама в это время спит, пока он сосет. Их потом тоже раскулачили, выслали. Помню: мешок у нее за плечами, ребятишки вокруг. Наша Тося – она комсомолкой была – ходила раскулачивать с комиссией. Она

грамотная, ей велели записывать имущество. Зашли к одним, а там записывать нечего: детей полно да плуги и бороны, а в доме пусто. Детишки плачут. Тося пришла, расстроилась и больше не ходила раскулачивать, отказалась» [13, с. 100].

Наконец, главным автором, наиболее глубоко исследовавшим коллективизацию, был В. Белов, который более двух десятилетий писал эпическую хронику коллективизации в северной деревне. В романе «Кануны» перед нами два села – целый мир, десятки могучих и колоритных народных характеров. Это мир русского крестьянина, суть которого выражена в ночных думах деда Никиты Рогова: «Сколько перепахано было земли, пролито пота? О, хлеб насущный! Многотрудный, всесильный наш! Господи... Господи... Пускай потухнет его лютая злоба и стихнет потрясение нестойкой души...» [8, с. 109]. И вот в этот мир врываются «иных времен татары и монголы» – называемая «чрезвычайная тройка», приехавшая арестовывать «врагов Советской власти». Самые трудолюбивые крестьяне были назначены «кулаками». Бывший деревенский лентяй и бездельник Сопронов, ставший советским начальником, злобствует: «Что ни изба, то и зажиточный, у каждого по лошади и корове, у многих по две, а то и по три коровы». Власти начинают душить их налогами, а затем и уничтожать их самих. Чтобы спастись от раскулачивания, люди прячут свое добро: «Попавшие в новый список грузили на санки сундуки и кадушки, завязывали в узлы женские юбки, наподольницы, одеяла, холсты, шубы, девичьи атласовки, ружья, кружева, часы, выделанные кожи. Швейные машины, самовары и фарфоровую посуду заворачивали в половики. Кожи скручивались в рулоны, муку и зерно таскали из амбаров прямо в мешках... Все это пряталось по гуменным перевалам в засеках, в овинах либо зарывалось прямо в снег». И здесь нашелся свой народный пророк: «Судьба вещала в избе глуховатым, но взволнованным голосом Новожила: “Доживем, что всю землю опутают золезной проволокой, по небу полетят золезные птицы. Жить будет добро, только жить-то будет некому...”» [8, с. 221]. Здесь вновь, как и в романе Б. Можаяева, звучит грозное пророчество о будущих временах: и оно явно не является выдумкой автора, но является свидетельством о том народном религиозном сознании, которое все понимало и все предвидело.

Настоящая трагедия крестьян начинается во второй книге трилогии – «Год великого перелома». Никто не сможет прочесть эту книгу без боли, содрогания и потрясения. У не сумевших оплатить непосильный налог крестьян описывают и отнимают дома и имущество, самих их отправляют на лесозаготовки, семьи выселяют в пустующие бани и сараи. Работники лесозаготовок живут в неотопливаемых храмах и монастырях под охраной. Здесь же живут «кулаки» – переселенцы с Украины, с женщинами и детьми. Каждое утро из этих храмов, превращенных в ночлежки, выносят трупы.

Самые сильные духом из крестьян отказываются служить новой власти, за что подвергаются все новым и новым карам. Другие идут на компромиссы с новой властью, чтобы уцелеть. Но уцелеть им, как правило, не удастся. Для выявления настроений органы ГПУ организуют систему сексотов и доносов. И даже за сексотами, подпавшими под подозрения, организуется наблюдение других сексотов. Кулаками объявляются и репрессированы воевавшие в гражданской войне за красных и семьи, в которых есть находящиеся на службе в Красной Армии. В заключение «Года великого перелома» многие главные герои оказываются в трюмах грузового транспорта, несущего их через океан в Печорскую тундру. Везут их много суток в лютый мороз под вооруженной охраной. Трупы, выталкиваемые из трюмов, сбрасывают в океан. Первыми умирают младенцы. Вот это уже напоминает настоящие муки ада. Высаживают всех в тундре на голый берег Печоры.

Важны в романе сцены расстрела в подвалах ГПУ недавним рабочим, мастером, человеком плоть от плоти народа Арсентием Шиловским «врагов народа» – двенадцати мужчин и одной женщины, людей, о которых он ничего не знает. Единственным самооправданием ему служит равнодушие и страх: «Кому-то надо...». Так его готовили для работы по раскулачиванию – из человека заранее превращая в зверя. «Грандиозной мистификацией, необъятным по масштабам спектаклем, проводимым на просторах... недавно великого государства» называет коллективизацию и репрессии интеллигент из народа Прозоров, переживающий в тюрьме духовное преображение. Звучат и слова самого автора: «Казалось, все силы зла снова ополчились на эту землю. Вступая на пустующий императорский трон, знал ли угрюмый генсек, что через несколько лет, в день своего пятидесятилетнего юбилея, он швырнет им под ноги сто миллионов крестьянских судеб» [7, с. 12]. В романе «Час шестой. Хроника 1932 года» население сел Ольховица и Шибаниха разделилось на потенциальных начальников и потенциальных арестантов. В начальники идут люди, неспособные к настоящей крестьянской работе – третьесортные, по деревенским понятиям, мужики. Разве хороший хозяин усидит в колхозной конторе, если надо сеять или косить? Потенциальные арестанты – все остальные. Один из главных героев, крепкий семейный мужик Евграф Миронов, попал из огня в полымя: отсидел в вологодской тюрьме, вернулся к семье, выброшенной из родной избы, ютящейся из милости у добрых людей, – но вдруг сельский сход выбирает его председателем колхоза. Крестьянский мир руководствовался здравым смыслом: Евграф мужик основательный, с понятием и совестью, вот он и поставит крепко общее хозяйство. Думали, что выбирают Евграфа на его законное место, но на самом деле Евграф Миронов оказался совершенно на чужом месте, где ему то и дело приходится поступать не по здравому уму, а по чужим, антикрестьянским правилам игры. Другой герой романа, матрос Василий Пачин, хочет стать морским офицером и учиться в Ленинграде. Но случайная отпускная деревенская драка, попавшая в газету, напоминает начальству, что курсант Пачин – это на самом деле «недобитый кулацкий элемент». Третьего героя, Павла Рогова, сбежавшего к семье из лагерей, травят облавой, словно медведя. Четвертый герой, Данила Пачин, тянет срок в Беломорбалтлаге, мечтая о «льготе» – о досрочном освобождении от «канавы», о возвращении домой... Праведник дед Никита скрылся в лесу от нетерпимой им действительности. Следование за судьбами героев трилогии приводит нас в спецлагерь, на Беломорканал. Павел Рогов сумел уцелеть, пройдя дантовы круги ада, проявив способность русского крестьянина выжить в труднейших условиях. Он бежит с Печоры и появляется нелегально в окрестностях родной деревни. Охота на Павла Рогова символично приводит к убийству праведника деды Никиты. Как и в предыдущие романы, в «Час шестой» автор вводит цитаты из постановления верховных властей. Последнее цитируемое постановление – о награждении руководителей строительства Беломорканала – особенно красноречиво. Оно показывает, кто именно уничтожал русское крестьянство – это духовные наследники тех, кто за две тысячи лет до этого кричал: «Распни Его!». Теперь настал час Русской Голгофы: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого...» (Мф. 27:45).

Подвиг русской «деревенской прозы», помимо ее художественной ценности и нравственной глубины, состоял в том, что она еще в советских условиях смогла понять страшную суть того, что на самом деле произошло. Кроме кратко рассмотренных нами авторов и произведений, уже признанных классическими, о коллективизации к настоящему времени писали уже очень многие литераторы новых поколений. Рассмотрение их творчества требует отдельной работы. Но классики, совершившие подвиг воскрешения памяти и народного самосознания, останутся с нами навсегда.

Литература

1. *Адамович Г.В.* Литературные заметки. Книга I. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 515 с.
2. *Акулов И.И.* Касьян Остудный. – М.: Сов. Россия, 1990. – 618 с.
3. *Алексеев М.* Драчуны: Роман. – М.: Вече, 2014. – 278 с.
4. Анкета «Урала» // Урал. № 2, 2003. – С. 29-41.
5. *Астафьев В.П.* Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952-2001. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
6. *Астафьев В.* Созидать милосердие и братство // Литературная газета. – 1990. – 26 сент. – С. 4.
7. *Белов В.И.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 4: Год великого перелома: хроника начала 30-х годов. Час шестый. – М.: Классика, 2011. – 614 с.
8. *Белов В.И.* Кануны: Хроника конца 20-х гг. – М.: Современник, 1989. – 335 с.
9. *Большакова Н.П.* «Перелом» Николая Скромного в исторической прозе XX-XXI века // XVII Масловские чтения: сборник научных статей. – Мурманск: МАГУ, 2019. С. 103-109.
10. *Быков В.В.* Облава. Повести. – М.: Дружба народов, 1991. – 400 с.
11. *Гроссман В.* Все течет. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. – 207 с.
12. *Евсюкова В.С.* Художественное воплощение противоречий коллективизации в прозе 80-х годов: по романам В. Белова «Кануны» и Б. Можяева «Мужики и бабы»: дисс. канд. филол. н. – М, 1991. 177 с.
13. *Екимов Б.* «Пресвятая Дева-Богородица...», рассказ // Новый мир. 1990, № 7. С. 93-112.
14. *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. – М.: Родина, 2020. – 384 с.
15. *Карпов И.С.* По волнам житейского моря // Огонек. № 29, июль 1990. – С. 12-17.
16. *Князева Т.В.* Эпос крестьянской жизни в творчестве В.И. Белова: Повесть «Привычное дело», романы-хроники «Кануны» и «Год великого перелома», очерки «Лад». – Самара, 1997. 191 с.
17. *Конюхова Е.С.* «Поднятая целина» М. А. Шолохова в контексте произведений о русской деревне 30-х гг.: А. Платонов «Котлован», В. Белов «Кануны», Б. Можяев «Мужики и бабы», С. Залыгин «На Иртыше»: дисс. канд. филол. н. – М, 1995. 188 с.
18. *Кормилов С.* «Мы забыли, что такие люди бывают»: Ахматова и Солженицын // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 23-29.
19. *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. Роман-документ. – М.: Сов. писатель – Олимп, 1991. – 343 с.
20. *Леонов Л.* Соть // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. – М.: Книговек, 2013. – С. 175-478.
21. *Можяев Б.* Собрание сочинений в четырех томах. Том 4: Повести. Мужики и бабы. Роман. Книга вторая. – М. Худ. лит., 1990. – 544 с.
22. *Мяло К.* Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988, № 8. – С. 245-257.
23. О чем писали «Известия ЦК РКП (б)» в 1919 г. (№ 5, суббота, 20 сентября) // Известия ЦК КПСС. 6 (293) июнь 1989. – С. 220-229.
24. *Скромный Н.А.* Перелом: Роман. – М.: Современник, 1989. – 350 с.
25. *Славникова О.* Деревенская проза ледникового периода // Новый мир, 1999, № 2. – С. 198-207.
26. *Солженицын А.И.* Собрание сочинений в 30 томах. Т. 2. В круге первом. – М.: Время, 2011. – 880 с.
27. *Солоухин В.А.* Смех за левым плечом. – М.: Современник, 1989. – 574 с.

28. *Тендряков В.Ф.* Неизданное: Проза. Публицистика. Драматургия. – М.: Художественная литература, 1995. – 638 с.
29. *Чаянов А.В.* Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран. 6 октября 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 6 (293) июнь 1989. – С. 211-219.
30. *Шолохов М.* Собрание сочинений в 8 томах. Том 6. Поднятая целина. Книга 1. – М.: Гослитиздат, 1957. – 376 с.

References

1. *Adamovich G.V.* Literaturnye zametki. Kniga I. – М.; Berlin: Direkt-Media, 2016. – 515 s.
2. *Akulov I.I.* Kas'jan Ostudnyj. – М.: Sov. Rossija, 1990. – 618 s.
3. *Alekseev M.* Drachuny: Roman. – М.: Veche, 2014. – 278 s.
4. Anketa «Urala» // Ural. № 2, 2003. – S. 29-41.
5. *Astaf'ev V.P.* Net mne otveta... Jepistoljarnyj dnevnik 1952-2001. – Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2009. – 720 s.
6. *Astaf'ev V.* Sozidat' miloserdie i bratstvo // Literaturnaja gazeta. – 1990. – 26 sent. – S. 4.
7. *Belov V.I.* Sbranie sochinenij v 7 t. T. 4: God velikogo pereloma: hronika nachala 30-h godov. Chas shestyj. – М.: Klassika, 2011. – 614 s.
8. *Belov V.I.* Kanuny: Hronika konca 20-h gg. – М.: Sovremennik, 1989. – 335 s.
9. *Bol'shakova N.P.* «Perelom» Nikolaja Skromnogo v istoricheskoj proze XX-XXI veka // XVII Maslovskie chtenija: sbornik nauchnyh statej. – Murmansk: MAGU, 2019. S. 103-109.
10. *Bykov V.V.* Oblava. Povesti. – М.: Druzhba narodov, 1991. – 400 s.
11. *Grossman V.* Vse techet. – Frankfurt-na-Majne: Posev, 1970. – 207 s.
12. *Evsjukova V.S.* Hudozhestvennoe voploshhenie protivorechij kollektivizacii v proze 80-h godov: po romanam V. Belova «Kanuny» i B. Mozhaeva «Muzhiki i baby»: diss. kand. filol. n. – М, 1991. 177 s.
13. *Ekimov B.* «Presvjataja Deva-Bogorodica...», rasskaz // Novyj mir. 1990, № 7. S. 93-112.
14. *Zinov'ev A.A.* Russkaja sud'ba, ispoved' otshhepenca. – М.: Rodina, 2020. – 384 s.
15. *Karpov I.S.* Po volnam zhitejskogo morja // Ogonek. № 29, ijul' 1990. – S. 12-17.
16. *Knjazeva T.V.* Jepos krest'janskoj zhizni v tvorcestve V.I. Belova: Povest' «Privychnoe delo», romany-hroniki «Kanuny» i «God velikogo pereloma», ocherki «Lad». – Samara, 1997. 191 s.
17. *Konjuhova E.S.* «Podnjataja celina» M. A. Sholohova v kontekste proizvedenij o russkoj derevne 30-h gg.: A. Platonov «Kotlovan», V. Belov «Kanuny», B. Mozhaev «Muzhiki i baby», S. Zalygin «Na Irtyshe»: diss. kand. filol. n. – М, 1995. 188 s.
18. *Kormilov S.* «My zabyli, chto takie ljudi byvajut»: Ahmatova i Solzhenicyn // Literaturnoe obozrenie. 1999. № 1. S. 23-29.
19. *Kuznecov A.V.* Babij Jar. Roman-dokument. – М.: Sov. Pisatel' – Olimp, 1991. – 343 s.
20. *Leonov L.* Sot' // Sbranie sochinenij: V 6 t. T. 3. – М.: Knigovek, 2013. – S. 175-478.
21. *Mozhaev B.* Sbranie sochinenij v chetyreh tomah. Tom 4: Povesti. Muzhiki i baby. Roman. Kniga vtoraja. – М. Hud. lit., 1990. – 544 s.
22. *Mjalo K.* Oborvannaja nit'. Krest'janskaja kul'tura i kul'turnaja revoljucija // Novyj mir. 1988, № 8. – S. 245-257.
23. O chem pisali «Izvestija CK RKP (b)» v 1919 g. (№ 5, subбота, 20 sentjabrja) // Izvestija CK KPSS. 6 (293) ijun' 1989. – S. 220-229.
24. *Skromnyj N.A.* Perelom: Roman. – М.: Sovremennik, 1989. – 350 s.
25. *Slavnikova O.* Derevenskaja proza lednikovogo perioda // Novyj mir, 1999, № 2. – S. 198-207.

26. *Solzhenicyn A.I.* Sobranie sochinenij v 30 tomah. T. 2. V krugе pervom. – M.: Vremja, 2011. – 880 s.
27. *Solouhin V.A.* Smeh za levym plechom. – M.: Sovremennik, 1989. – 574 s.
28. *Tendryakov V.F.* Neizdannoe: Proza. Publicistika. Dramaturgija. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1995. – 638 s.
29. *Chajanov A.V.* Zapiska o sovremennom sostojanii sel'skogo hozjajstva SSSR po sravneniju ego s dovoennym polozheniem i polozheniem sel'skogo hozjajstva kapitalisticheskikh stran. 6 oktjabrja 1927 g. // Izvestija CK KPSS. 6 (293) ijun' 1989. – S. 211-219.
30. *Sholohov M.* Sobranie sochinenij v 8 tomah. Tom 6. Podnjataja celina. Kniga 1. – M.: Goslitizdat, 1957. – 376 s.

Даренский В.Ю. Изображение коллективизации как национальной катастрофы у русских писателей XX века

Статья посвящена рассмотрению и общему анализу темы коллективизации в русской литературе XX века. Дан обзор «знаковых» произведений и авторов, а также ее культурно-исторического контекста и цивилизационного смысла событий XX века. Художественное осмысление катастрофических событий, которые происходили в России в XX веке, является одной из главных задач русской литературы. Особое место среди них занимает коллективизация как событие, которое разрушило основания русской цивилизации. Писатели, которых метафорически называли «деревенщиками», показали коллективизацию как одну из главных причин утраты русским народом своих лучших качеств, деградации и последующего вымирания. Для художественной литературы важны не столько эти исторические последствия, сколько те нравственные процессы, которые происходили в народе в ходе этих событий.

Ключевые слова: русская литература, XX век, коллективизация.

V. Yu. Darensky The Representation of Collectivization as National catastrophe by Russian Writers of the XX century

The article is devoted to the consideration and general analysis of the topic of collectivization in Russian literature of the twentieth century. There was given a review of the "iconic" works and authors, as well as cultural and historical context and the civilizational meaning of the events of the twentieth century. Artistic comprehension of the catastrophic events that took place in Russia in the twentieth century is one of the main tasks of Russian literature. A special place among them is given to collectivization as an event that destroyed the foundation of Russian civilization. The writers who were metaphorically called "villagers" showed collectivization as one of the main reasons for the loss by the Russian people their best qualities, degradation and subsequent extinction. For artistic literature these historical consequences are not as important as the moral processes that took place in the people during these events.

Keywords: Russian literature, the twentieth century, collectivization.

Рецензент – доктор филологических наук, профессор Фесенко Ю.П.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81.25

Нередкова С.С.